

Яковлев Лев Сергеевич

д-р социол. наук, профессор

Топчиева Надежда Сергеевна

студентка

Поволжский институт управления

им. П.А. Столыпина (филиал)

ФГБОУ ВО «Российская академия

народного хозяйства и государственной

службы при Президенте РФ»

г. Саратов, Саратовская область

КОНФЛИКТНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация: в современных обществах механизмы открытой реализации конфликтов становятся компонентом реструктуризации социальных связей. В существенной мере, эти процессы опосредованы гендерными взаимодействиями. Анализ нарративных интервью с юношами и девушками, предложенный в данной статье, позволил выявить тенденцию приватизации конфликтов. Интерпретации социальных противоречий переводятся на личностный уровень, действительным основанием конфликтов при этом являются противоречия, связанные со сменой модели семьи.

Ключевые слова: молодежь, гендерные взаимодействия, интериоризация конфликтов, конфликт поколений, гендерные стратегии.

Согласно доминирующим научным представлениям, современные общества, как общества рисков, могут описываться в качестве систем избыточной сложности. Рост сложности, то есть наличие большего числа элементов и связей, чем необходимо для функционирования в текущих условиях, жизненно важен, он обеспечивает потенциальную изменчивость, адаптивность, возможности ускоренного развития. Однако, избыточная сложность обуславливает высокий кон-

фликтный потенциал общества. Он не обязательно должен реализоваться в конфликтах, но такое перерастание является возможным вариантом. Поэтому жизненно важен научный анализ субъективной стороны дела. Стабильность общества во многом зависит от того, как люди воспринимают конфликтные ситуации, какие установки имеют на поведение в этих ситуациях.

Анализу механизмов, форм, стратегий восприятия конфликтов посвящена обширная литература. Прежде всего, следует выделить работы, посвященные анализу социально-психологических механизмов включения в конфликт [1; 6]. Достаточно часто рассматривается и специфика осознания конфликтов представителями различных социальных групп [7]. Артикулируется и специфика восприятия различных типов конфликтов, в том числе, семейных [4; 5].

Общественные отношения опосредованы возрастными и гендерными контекстами. Конфликты почти всегда приобретают «гендерную окраску», определяемую спецификой поло-ролевых взаимодействий. Естественно, особенно это касается молодежи.

Показательный материал, в этом плане, дает интервью студентки А. *Конфликт у меня был с родителями. Повод – переезд в другой город с целью поступления в вуз. А именно, выбор моей специальности. В 11 классе захотела я стать дизайнером интерьера. Конечно же, родители подняли бунт*, рассказывает она.

Разумеется, наш респондент использует это понятие фигурально, имея в виду, прежде всего, бурный характер реакции родителей. Но высказывание получилось очень многозначным. Девушка действительно уверена в своем праве определять собственную судьбу, и, в этом смысле, поведение родителей – действительно, бунт против ее суверенного права.

Оценив наши возможности, они высказали недовольство по этому поводу. Высказали мне что, «это не профессия, ненадежно, нужно много денег, чтобы отучиться, у нас нет таких средств». Будучи 16-летним ребенком, лично я не способна была принимать серьезные шаги, которые резко бы повлияли на ход моей жизни. Конечно же, больше полагалась на мнение авторитетных родителей, продолжает рассказывать наш респондент. Вряд ли она читала Симону де

Бовуар, и знакома с ее классической формулировкой: независимость женщины равна независимости ее кошелька, но на практике столкнулась именно с ограничениями материального плана. Ей не запрещают выбрать свой путь в жизни напрямую, но отказываются этот выбор финансировать – и выбор оказывается иллюзорным.

Первый раз, когда возник детский конфликт с родителями. Что обернулось для меня слезами, бессонными ночами, скатыванием по учебе. То, что не приняли мое творчество, так и осталось до сих пор где-то в глубине души обидой. Да, мне дали в итоге выбор: творческая профессия или более практичная специальность. Но понятно, что преваляло мнение родителей. Естественно я ответила то, что от меня ждали услышать.

Примечательно, что девушка осознает случившееся именно как жизненный опыт. Более того, она извлекает из него уроки: *в данной ситуации не правы были обе стороны, поскольку нужно было спокойно обсудить возникшие проблемы между нами. Я хотела поступить на любимую специальность. Родители ждали от меня практичности в своем выборе. Сейчас уже заканчиваю ВУЗ совершенно по другой специальности. Доверилась мнению родителей. Моя мечта осталась мечтой. Особого желания работать по специальности, которую сейчас получаю, не возникло. Не всегда перешагнув через себя, приходишь к чему-то хорошему. Родители чувствуют свою вину, а я чувствую, что потратила время впустую ради «корочки». Подобные конфликты можно и нужно предотвращать. Решение – нужно учиться договариваться и искать компромиссы.*

Конечно, реального решения она и сейчас не находит: нехватка денег есть вещь объективная, от нашего желания не зависящая. Другое дело, как это объективное обстоятельство воспринимать. Родители в данном случае представляют классическую для архаических обществ тенденцию. Им кажется, что главное – дать ребенку шанс выбиться из бедности, чтобы, когда перед ней в следующий раз станет необходимость выбора, не пришлось ограничивать себя. Для «крестьянской» культуры, воздействие которой на большинство людей, родившихся в

семьях, чей быт не изменила еще радикально массовая урбанизация 60-х годов, эта позиция типична.

Наша респондентка эту позицию отторгает. Она рассуждает уже с позиций, сформированных логикой постиндустриального общества. Неважно, что выбранная ею профессия «неконкретна», успех в ней сильно зависит от рыночной конъюнктуры, динамики спроса, а входные затраты действительно велики. Девушка мыслит, как человек XXI века: реализовать себя – единственный карьерный шанс. Надо суметь раскрыть свой потенциал потому, что конкуренция есть везде, а там, где ее нет, оплата труда не позволит жить достойно. Следовательно, профессию надо выбирать, не исходя из ее популярности, или доступности, а «под себя». При этом, все аргументы такого рода ею не рефлексированы, и это тоже абсолютно правильно: она и должна воспринимать работу, как самореализацию, а не «жизненный подвиг».

В этом и есть суть конфликта, собственно, не закончившегося, несмотря на то, что решение, как будто, давно принято, и пути назад нет. На деле, конфликт поколений часто не находит окончательного разрешения вообще, продолжая воздействовать на участников длительное время. Другой вопрос, может ли он быть купирован.

Респондент М. (21 год, студент 4 курса) представляет незатейливую, кажется, историю: *у меня был конфликт с моей старшей сестрой. Он начался из-за того, что я не хотел ей помочь с ребенком, сестра и я были на нервах и сорвались, произошёл конфликт. Я не хотел сидеть с ребенком, так как мне хотелось идти гулять и меня уже ждали друзья. А у сестры были важные дела, ей нужно было срочно уехать по делам в центр. В этой ситуации права сестра, так как изначально я вел себя неправильно и отказывался ей помочь. Я хотел пораньше уйти, а она – чтобы я подольше посидел с ребёнком. Мы помирились, и я согласился остаться. Предотвращать подобные конфликты можно. Нужно просто не выплескивать нервный накал в семейных конфликтах.*

Ситуация, на первый взгляд, предельно незатейливая, бытовая. Но она высвечивает еще одну грань обозначенной чуть выше, в связи с интервью А., проблему. В транзитивных обществах, как показано, в частности, в работах В.Г. Виноградского, для социальных общностей, пытающихся сохранить традиционные ценности, особое значение приобретает сетевое распределение социального капитала. Кровно-родственные, соседские общности делятся, на неформальных основаниях, ресурсами, что позволяет выживать [3], но «обнуляет» потенциал развития. «Специфика социального капитала – его сокровенность, продуктивная скрытость. Социальный капитал невидим, как воздух. Он собирает в своих объемах и запасах отношения между людьми – те импульсы и процедуры, которые необходимы для построения и воспроизведения длительных доверительных отношений. Социальный капитал связывает людей, проявляясь через *взаимодействия*. Он рассредоточен в социуме, подобно элементам сложного пазла, он дислоцирован «между» единицами социума, и каждый раз собирать его – коллективное умение, носимое каждым отдельным человеком» [2].

По сути, как ресурс, рассматривает нашего респондента сестра, абсолютно уверенная при этом, что и сама окажет ему, при нужде, требуемую помощь.

Опять-таки, конфликт, на деле, решения не имеет, вопреки оптимизму нашего респондента. Его позиция, опять же, в терминах «крестьянской культуры», трактуется как индивидуализм. На деле, она просто отражает ценности постиндустриального общества, в котором социально-бытовая сфера становится все в большей степени публичной, «заботы по дому» передаются специальным сервисным службам, потому что время каждого человека должно, целиком, принадлежать профессиональному развитию.

Более глубокий уровень интериоризации конфликта демонстрируют следующие интервью. Респондент А. (20 лет, не женат, студент) рассказывает: *у меня был конфликт с моим другом Артемом по поводу девушки. Мы были на противоположных сторонах конфликта, не поделили девушку. Причиной конфликта*

было нежелание двух конфликтующих сторон отдавать другому понравившуюся девушку. Хоть мы хорошие друзья. Живём в одной комнате в общежитии, но эта девушка вскружила нам голову.

Несколько опереточная риторика в данном случае примечательна. Респондент подсознательно дистанцируется от ситуации: в глубине души он сознает, что «делить девушку», вообще говоря, неправильно, не во времена Троянской войны живем. Отсюда и неумение подобрать слова: его немного «коробит» от необходимости говорить о девушке, как о вещи, но по-другому сказать не получается, ситуация не позволяет. А ситуация такова: *все началось банально. Она приехала учиться к нам из Калининска. Заселилась в общагу. Наше общение началось с ней на кухне. Предложила зайти к ним пообщаться. Ну я и пришёл с соседом. Я не жадный. Зачем мне две.*

Имеется в виду, что девушка из Калининска жила в одной комнате с соседкой, а наш респондент, в силу стеснительности, или очень выраженной доминанты интереса, не рискнул общаться в такой компании, и повел с собой своего соседа по комнате. В принципе, для уличных, или клубных, знакомств, расклад обычный.

Начали постепенно более близко общаться. Она мне нравилась. Сосед это знал. Но и знал, что я по своей натуре нерешительный. И в какой-то момент я узнаю, что он пригласил ее на свидание. Я был в не себе. Я говорил про дипломатические методы, но тогда я был быком, а он был моей красной тряпкой. Но хочу сказать себе сейчас. Надо решать такие конфликты не быстро. Надо остыть. Подумать. Но тогда было не до этого. Конфликт закончился тем, что в один момент у меня ни стало соседа и девушки, которая мне очень нравилась.

Хорошо, конечно, что в нашу эпоху подобные конфликты заканчиваются не так печально, как в опере Бизе «Кармен», но наш респондент воспринимает ситуацию драматически, и имеет на это право. Однако, нас здесь занимает несколько иной аспект. Личная жизнь соткана из встреч и расставаний; респондент, однако, выделяет в ситуации «треугольника» не отношения с девушкой, а другую ось. Как всегда, вопрос в акценте. Можно сказать, что на самом деле, любовь, все

равно, игра для двоих, и сосед по комнате не силком увел под венец девушку из Калининска. Но имеет право на существование и картина мира, представленная нашим респондентом. В этой картине действия конкурента выглядят нелегитимными именно потому, что его настойчивость отнимает у девушки выбор. Любовь – не война.

В этой ситуации, на мой взгляд, никто не был прав. Мы должны были решить этот вопрос дипломатично, узнать у девушки, что она хочет, а не решать все между собой. Обе стороны хотели достичь своей цели (девушку). Конфликты можно и нужно предотвращать, но данная ситуация бывает очень часто в нашей жизни. Выход один – понимать сторонам конфликта, что многие конфликты можно решить дипломатичным путем.

По существу, здесь выражено безусловное отторжение традиционной гендерной модели. В соответствие с ней, мужчина должен женщину «завоевывать», конкурентов в «старые добрые времена» вообще убивали, а вести с ними переговоры есть признак слабости. В связи с этим, однако, имеет смысл обратиться к следующему интервью, как раз женскому.

С. (21 год, студентка) рассказывает: конфликт у меня был с моим молодым человеком, он был вызван необоснованной ревностью в мою сторону. Поводом послужил мой поход к друзьям с ночевкой. Он был против, но я настаивала на своем, так как меня ждали уже друзья. Считаю, что в этой ситуации права я, так как всё было заранее обговорено и поводов для ревности не было. Стороны конфликта хотели понимания другой стороной своего мнения. Конфликт закончился миром, так как я безумно люблю этого человека, тихим тоном объяснила ситуацию и приняла его мнение к сведению. Подобные конфликты предотвращать конечно можно, для этого нужно элементарно научиться доверять другу и относиться к некоторым вещам просто.

Здесь, на самом деле, все очень показательно. «Права была я, но приняла к сведению его мнение, потому что люблю». Наша респондентка запомнила в этой ситуации свою уступку, правоту, и, все-таки, обиду. Вероятность негативного прогноза на развитие этих отношений снижает лишь то, что люди меняются. По

текущему положению вещей, трудно ожидать прочности от союза, в котором сложились такого рода внутренние напряженности. Дело ведь не в том, хорошо, или плохо, ходить к друзьям с ночевкой, а в том, почему стороны по-разному это воспринимают. Разумеется, парень не думает, что девушка ему действительно изменит, думал бы, разорвал отношения, или воспринимал их, как ни к чему не обязывающие. Следовательно, дело в том, что девушка, которую он полагает своей собственностью, проявляет какую-то самостоятельность.

В данном случае неважно, какую именно стратегию женщина избирает. Она может вести себя, как героиня оперы Бизе, а может «улаживать» конфликты, как это делают десятки миллионов женщин во всем мире последние полтора столетия. Просто в первом случае конфликт принимает агрессивные формы, во втором – латентные. Но то, что женщина ощущает, постоянно, себя правой, идущей на уступки, и имеющей за это право на компенсацию, а мужчина, если не совсем наивен, рано или поздно понимает, что им манипулируют, разрушает отношения. Два разных типа семьи, патриархальный, и построенный на равенстве, не могут быть наложены друг на друга, они не существуют в одном социокультурном пространстве.

Индивидуальное восприятие конфликтов, связанных с изменением модели семьи, подразумевает их «камерализацию», сведение на бытовой уровень. В отличие от советской эпохи, когда принятым было выводить конфликты на уровень общества в целом, если не на уровень противостояния «мировых систем», сегодня их участники не склонны обобщать. Однако, в конструировании конфликтного менеджмента именно выявление социальных основ межличностных, по форме, конфликтов, позволяет строить действенные системы профилактики их негативных последствий.

Список литературы

1. Абгаджав Д.А. Восприятие и интерпретация в конфликте / Д.А. Абгаджав, Т.М. Гамзатов // Конфликтология. – 2014. – №5. – С. 68–70.
2. Валерий Виноградский. Конец «живого беспорядка» // Знамя. – 2011. – №10.

3. Виноградский В.Г. Адаптивные руральные структуры в контексте системного понимания глобализации / В.Г. Виноградский, Л.С. Яковлев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – №2. – Т. XII. – С. 113–130.

4. Ибрагимова Х.Ш. Психология супружеских конфликтов: результаты эмпирического исследования // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2015. – №32 (4). – С. 19–24.

5. Камнева Н.А. Феномен конфликтной ситуации в российской семье как дескриптивное явление // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9. – №5. – С. 145–151.

6. Леонова И.Ю. Влияние межличностного доверия на восприятие «другого» в конфликте // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 8. №1. С. 43–49.

7. Родина С.В. Психолого-социологические аспекты конфликтных ситуаций между студентами и преподавателями // Инновационная наука. – 2015. – №11–3. – С. 271–275.